

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82-1/29:82-92

ЖЕНСКИЙ МЕТАТЕКСТ В ЖУРНАЛЕ А.П. СУМАРОКОВА «ТРУДОЛЮБИВАЯ ПЧЕЛА»

Т.Е. Абрамзон, А.В. Петров

*Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
г. Магнитогорск, 455000, Россия*

Аннотация

В статье выдвигается и доказывается гипотеза о наличии в журнале А.П. Сумарокова «Трудолюбивая Пчела» (1759) составного текстового образования, условно обозначенного на основе тематики (любовь, брак, мода) как женский метатекст. Его возникновение было обусловлено причинами личного характера: изменой жене, расставанием с ней, сильнейшим душевным потрясением, потребностью осмыслить новый тяжёлый жизненный опыт и избавиться от него посредством сублимации – литературного творчества. Основой данного метатекста становится своеобразный любовный метасюжет, складывающийся из 76 произведений, относящихся к 12 жанрам (элегия, эпиграмма, эклога, идиллия, песня, сатира, ода, мифологическая повесть, притча, плач, героида, рондо). Динамика их появления в журнальных номерах, возникающие интертекстуальные связи и (мета)сюжетные перипетии отсылают к третируемому Сумароковым-критиком любовному роману. Итоговым смыслом рассматриваемого метатекста является следующий: Сумароков и его виртуальное «Я», пройдя через все превратности любви, одолевают обиды, справляются с тоской и, главное, пытаются понять Другого – женщину и её переживание любви. Выработанные мировой литературой жанровые формы и сюжеты, а также простой здравый смысл помогли Сумарокову пережить его внутреннюю проблему, не закрепив в качестве душевного и писательского опыта горькие разочарования и чувство мертвящей пустоты. Анализ женского метатекста в «Трудолюбивой Пчеле» позволил определить два основных его жанрово-тематических модуса – элегический и эпиграмматический. Первый призван создать образ любви как наслаждения-страдания, второй обнаруживает внутренние страхи и комплексы Сумарокова, и оба оказываются сублимацией обуревавших его страстей, формами решения им проблемы телесности и словесного её выражения. В завершение статьи ставится проблема сексизма Сумарокова вместе с методологическим вопросом о взаимоотношении литературных текстов и поведения писателя.

Ключевые слова: А.П. Сумароков, журнал «Трудолюбивая Пчела», метатекст, любовный метасюжет, женская тема, проблема телесности, сублимация

Любовная тема в творчестве А.П. Сумарокова достаточно хорошо уже исследована прежде всего на материале репрезентативных жанров: анакреонтической

оды [1, с. 169–257], «гадательных двестишый» [2], идиллии [3], песни [4, с. 108–120], трагедии [5, с. 46–58; 6, с. 31–44], эклоги [7, с. 24–49], элегии [8, с. 72–116; 9], эпиталамы [10, с. 125–127, с. 191–192]. Однако современное литературоведение от изучения *текста* и отдельных *жанров* с их локальной тематикой переходит к рассмотрению *метатекста* и *наджанровых единств*, таких как цикл, книга стихов, журнал и др. (см., например, [11, 12]). Эта тенденция заметна и в сумароковедении. Книготворчество позднего Сумарокова стало предметом анализа в одной из наших работ [2] и в статьях таких исследователей, как Р. Вроон [13], Е.П. Мстиславская, Л.И. Щеголева [14]. Как на метатекст предлагают посмотреть на журнал «Трудолюбивая Пчела» (далее – ТП) А.В. Растягаев и Ю.В. Сложеникина [15–17].

В настоящей статье мы обратимся к женской тематике в журнале ТП. Для её воплощения Сумароков и его соавторы используют самые разнообразные жанровые формы. Всего их, по нашим подсчётам, двенадцать, и представлены они 76 произведениями: элегия (18), эпиграмма (14), эклога (11), идиллия (9), песня (7), сатира (5), ода (4), мифологическая повесть (3), притча (2), плач (1), героида (1), рондо (1). Таким образом, женской тематике отведено около четверти объёма ТП. Складывается она в журнале из следующих тем: 1) *любовно-эротическая* в многочисленных её мотивных вариантах (разлука, измена, неверность, расставание, первая любовь, ревность, любовный треугольник, кокетство, любовные страдания, смерть от любви и др.), 2) *брачно-семейные отношения* и 3) *женская мода*.

Очевидно, что столь разножанровый состав и многомотивная реализация данной темы, а также отсутствие выверенной методологии долгое время являлись препятствием к тому, чтобы подвергнуть анализу все 76 произведений в их единстве как метатекст – «составное текстовое образование», «ансамбль текстов» [11, с. 6, 10]. В данной статье мы наметим общие подходы к изучению женского метатекста в ТП, в частности его (мета)сюжета и ведущих жанровых модусов.

Мы исходим из гипотезы о том, что реально-жизненную основу этого метатекста составляет лично пережитая Сумароковым ситуация любовного треугольника, то есть интимная драма писателя, о которой нам почти ничего не известно, но начало которой по косвенным данным можно датировать концом 50-х годов XVIII в. Около 1759 г. жена писателя Иоганна Христиановна Балк (Баллиор) оставляет его. Причиной разрыва было, по-видимому, сближение Сумарокова с крепостной Верой Прохоровной, которая впоследствии станет матерью его детей, а потом и женой [18, с. 371]. В мартовской книжке ТП появляется элегия «О ты, которая всегда меня любила...», подписанная «Катерина Сумарокова». Нас вполне убеждают доводы П.Н. Беркова, считавшего, что это произведение написано самим Сумароковым и обращено к покинувшей его Иоганне Христиановне, а подпись была сделана «для отвода глаз, и никакой поэтессой дочь Сумарокова не была» [18, с. 370–371]. Мы, кроме того, полагаем, что эта элегия только незначительный фрагмент женского метатекста. Для доказательств нашей гипотезы рассмотрим, как распределяются представляющие женскую тему произведения и жанры по месячным выпускам ТП, и дадим краткие комментарии.

1. Женский метатекст как любовный роман

Кажется, что в *январской* книжке ТП темы любви нет. Мифология, история, добродетели, патриотические размышления о самодостаточности русского языка – всё очень серьёзно... Но в конце номера Сумароков рассуждает «о стихотворстве, которое чистейшим изображением естества назваться может» (ТП, с. 63), и цитирует «Камчатскую песенку»: «Потерял жену и душу / И пойду с печали в лес...»¹ (ТП, с. 64). Завязка метасюжета намечена; начинают своё движение мотивы утраты любви и душевного покоя, а также мотивы печали и поисков избавления от неё.

В *февральском* выпуске напечатаны сразу пять элегий и «Надгробная песнь Адониду»² греческого идиллика Биона в переводе Г.В. Козицкого. Актуализируются, иными словами, мотивы любовных страданий и смерти возлюбленного.

Мартовский номер ознаменован появлением в ТП эклога, то есть темы эротической. «Любовные утечи» в данном контексте следует рассматривать как способ избыть страдания, как попытку мужского персонажа – виртуальной проекции сумароковского «Я» – избежать душевных мук. Завершают книжку две элегии: о смерти возлюбленной (реплика на плач об Адонисе) и подписанная Катериной Сумароковой, что указывает на интимно-автобиографический подтекст этого и последующих любовных стихотворений.

В *апрельском* номере выходит перевод сатирического «Опыта немецкого словаря...» Г.В. Рабенера, где в статье о слове «Вечно» находим иронические рассуждения о «вечной верности» и «вечной любви». Сумароков, испытывающий психологический дискомфорт, не удовлетворённый найденными им способами залечить душевные раны и заглушить голос плоти, опробует силу насмешки – остраннения собственной внутренней проблемы. Пока ещё он делает это, опираясь на «чужое слово». Здесь же опубликованы «мифологическая повесть» из «Метаморфоз» Овидия о гибели влюблённых (не только синтез двух предыдущих плачей, но и признание необратимости произошедшей любовной и семейной катастрофы) и три эклоги (назовём их «тексты счастья и утешения в чувственной любви»). Обращение к переводному прозаическому нарративу («Баснь о Пираме и Фисве») сигнализирует о поисках жанровой структуры, более приспособленной по сравнению с лирикой и драмой к нюансировке и мотивировке любовных отношений и ситуаций, к введению новых героев и ролей. Сам Сумароков, судя по всему, не владел навыками построения повествования в прозаических эпических жанрах, да и сами эти жанры не воспринимал как литературу.

В *майском* выпуске напечатаны идиллия и ода, обе о тоскующем влюблённом герое. Сила любовных страданий заставляет поэта подчинить своим переживаниям даже не приспособленные для выражения таких чувств жанры. Кроме того, впервые в ТП появляется оригинально-авторская сатирическая трактовка женской темы, которая обнаруживается в следующих произведениях: 1) притча о пастухе, «заражённом» «сирены взглядом», а затем неприятно удивлённом «телом дорогой» (ТП, с. 309); 2) эпиграмма на внучку, просветившуюся в «свадебной

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация даны в соответствии с нормами современного русского языка. – Ред.

² В современном переводе «Плач об Адонисе».

науке» без участия многоопытной бабушки (ТП, с. 311). Гипотетический биографический контекст мыслится нами как разочарование прежде всего в том, что связано с женским телом, телесностью и степенью сексуальной наивности/опытности женщины.

В *июне* Сумароков публикует пять (из десяти) эпиграмм, направленных против неверных и развратных жён, и с явной (само)иронией говорит о том, что спокойствие и брак несовместимы. Любовный метасюжет ТП вбирает в себя мотивы мужской обиды и мести. Параллельно в нём продолжает развиваться тема любовных мучений, причём взаимных – его и её. Так, И. Дмитриевский и А. Аблесимов помещают в номере элегии о страдающих в разлуке влюблённых, а герои диалогической «Оды, подражённой Горацию» – Любовник и Любовница – обмениваются упрёками в неверности, вспоминают о былом счастье и готовы, забыв о новых увлечениях, вновь любить друг друга до гроба. Это стихотворение весьма примечательно. Его форма скрывает в себе переписку между влюблёнными (небольшие письма или записочки с укорами, воспоминаниями, взаимными предложениями и обещаниями). Результат – следующая за одой «Идиллия», герой которой тоскует по своей Филисе.

В *июле* вновь речь идёт о неверных жёнах; особенно ополчается Сумароков на лишившихся девственности до свадьбы. Психика недовольного, тоскующего и ревнующего мужчины, alter ego автора, нестабильна: то, к чему он склонял женщину до брака, теперь становится поводом для упрёков. В шести (из десяти) эпиграммах затронуто несколько тем, сопутствующих женской: естественность и свобода поэтического творчества; суеверы; «дурачества» безумца; бессмысленность скупости; пьянство. Их прямые логические связи с женской темой оборваны, это как бы уход в сторону от основного метасюжета, комментарии к нему. Впрочем, связь свободы творчества, предрассудков, скандалов, денежных трат и пьянства с ситуацией любовного треугольника, как кажется, очевидна.

В июльской книжке впервые появляются философские размышления о сущности любви, переданные устами античных поэтов Биона и Мосха. «Злой это зверь» (ТП, с. 433), – так определён Эрот в Идиллии II; в Идиллиях III и IV говорится о любви Муз к Эроту; в идиллии «Ерот беглец» Киприда описывает пропавшего сына, рисуя некое демоническое существо: «Глаза у него быстры и пылающи; злые мысли, но сладкие слова; не то он думает, что говорит... Когда гневается, сердце его неукротимо и коварно. Нет в нём правды; лестное дитя, шутки его жестоки» (ТП, с. 435); тем, кто поймает Эрота, рекомендуется связать его, вести к матери и не миловать. Таким образом, данный этап в развитии любовного метасюжета характеризуется попыткой нового погружения в тему (жизненную ситуацию), сосредоточением на метафизике любви, неотъемлемой частью которой оказывается зло. Завершается этот очень насыщенный журнальный номер эротическими эклогами об утехах влюблённых и элегиями о страдающем любовнике.

Пройдя, пожалуй, свой пик, женская тема в *августовском* выпуске ТП несколько мельчает, утрачивает цельность, но не теряет значения. Желчь эпиграмм сменяется в притче «Подьяческая дочь» нападками на «мещанку во дворянстве», кокетство, женскую моду. Похоже, что в новой своей сожительнице Сумароков обнаруживает всё ту же неистребимую женскую природу. Продолжает

он размышлять и о взаимосвязи любви и творчества («Недостаток изображения») – несомненная примета сублимации. Любовная тема обогащается рокайльным мотивом игры в стихотворении «Поцалуи», которое на первый взгляд выглядит случайным на общем стихотворном фоне ТП, однако включается в любовный метасюжет.

В жанровой триаде «идиллия – эклога – элегия» в целом усиливаются мотивы взаимной тоски влюблённых и немотивированных страданий, злой жизни, одиночества. В элегии «Я чаял, что свои я узы разрешил...» появляется новый (для метасюжета) мотив любовного вассалитета: забыв, казалось, о своих былых мучениях, герой, случайно встретившись взором с «драгой», вновь чувствует её власть над собой.

В *сентябрьском* номере наблюдается новый всплеск эмоций, причём крайне негативных. Открывается журнал героидой Овидия, а именно полным любви и ненависти, упрёков и призывов прощальным письмом Филлиды – её мстью Демофону. (По нашей логике, это отражение реальных событий, возможно, обмена письмами или неких выяснений отношений.) Затем подписчики ТП знакомятся с сочинением того же автора об Аполлоне и Дафне – трагической историей о мести Купидона, о бесплодном жаре мужском и холодности женской. Не жалея ни себя, ни читателя, сразу после этого трогательного и поучительного рассказа Сумароков помещает три элегии о любовных страданиях и муках, о преобразовании ненависти в стихотворство. Третья элегия «Ты только для того любовь уничтожаешь...» является не только зеркальным отражением героиды Овидия, но и ревизией сюжета об Аполлоне и Дафне. Для нас очевидно, что литература и страсти литературно-мифологических героев стали для Сумарокова материалом и формой для осмысления и выражения его собственных любовно-семейных отношений и переживаний.

Вторая половина сентябрьского номера – сатирическая. Переводная статья из английского «Смотрителя» (“The Spectator”) целиком посвящена критике новомодных кринолиновых юбок. Затем в «Сатире» («Кто в самой глубине безумства пребывает...») находим фрагмент о неверных жёнах (ТП, с. 567). Той же теме посвящены завершающие выпуск журнала эпиграммы, причём три из них написаны от лица женщины, многолюбивой и продажной. Кульминацией темы являются следующие строки: «А для прибытка я со всеми не дика: / За деньги я любить готова хоть быка» (ТП, с. 575). Единственная «мужская» эпиграмма содержит новый мотив – иронию мужа по отношению к жене, беременность которой стала заметна через четыре недели после свадьбы.

После бури – затишье: в *октябрьском* номере две эклоги с привычной уже эротикой и странные стихи с нападками на самовлюблённых, но некрасивых женщин («Хозяйка с подносом», «Неосновательное самолюбие»). Сумароковское журнальное alter ego находит для себя успокоение в плотских утехх и брюзжании по поводу тех женщин, которые ему оказались не по нраву или же малодоступными.

В *ноябре*³ читатели познакомились с эпизодом из Овидиевых «Метаморфоз» о женщине-предательнице, которую любовь ввела в «беззаконие», и о том, как

³ 14 (25) ноября – день рождения Сумарокова.

она была наказана. Дидактическое задание перевода очевидно. О женской страсти говорится далее в двух одах Сапфо. Вслед за греческой поэтессой и сам Сумароков обращается к жанру любовной песни. Песни появляются в ТП впервые, причём будучи собранными в отдельный цикл из шести произведений. В большинстве своём они либо написаны от лица женщины, либо рассказывают о женских переживаниях. При немалой близости песни и элегии, а именно их сюжетных ситуаций, топики, настроений и проч., в первом жанре заметно меньше аффектации, мотивов ревности, любовного безумия и смерти от неразделённой любви (см. [4, с. 105–120]); само любовное чувство в песнях более гармонизировано. Наконец, предпоследним произведением в ноябрьском номере и последним в метасюжете является ироническое рондо о холодной кокетке.

Можно предположить, что, пройдя через все превратности любви, Сумароков и его виртуальное «Я» в рамках любовного метасюжета преодолели обиды, справились с тоской и, главное, попытались понять Другого – женщину и её переживание любви. «История страстей» на страницах журнала завершилась, а литература и здравый смысл помогли расстаться с ней в целом без горьких разочарований и чувства мертвящей пустоты. Закономерно поэтому, что в *декабрьской* книжке ТП темы любви нет; из героев остались одни лишь петиметры и подьячие. Правда, прощание с Музами, то есть с вдохновением и поэзией, которые, начиная с январского номера, неоднократно отождествлялись с «чистейшим изображением естества», чувствами и любовью, можно интерпретировать и как прощание издателя со страстями, послесловие к любовному метасюжету, так сказать.

Подытожим. На наш взгляд, рассмотренный женский метатекст имеет многие приметы столь презируемого Сумароковым любовного романа со свойственными тому сюжетными перипетиями, мелодраматическими всплывками чувств, их отливами и приливами, сопутствующими темами, философско-моралистическими размышлениями о любви, браке, женской природе и проч.

2. Жанровые модусы метасюжета и их прагматика

Теперь несложно назвать ведущие модусы женской темы в ТП.

Первый – *элегический*; к нему примыкают все вышеперечисленные лирические и лиро-эпические жанры; его назначение – создать амбивалентный образ любви-наслаждения и любви-страдания, сладких мук, которые приносит Эрос.

Второй – *эпиграмматический*, включающий в себя жанры сатирические; он даёт писателю возможность излить досаду на ничем не укротимую плоть, особенно чужую, женскую, а также просто выплеснуть свою обиду или недоумение, посмеяться вместе с читателем над кокетками и щеголихами. Последние, по-видимому, представляются автору некими курьёзами; привычными сатирическими типами они станут через 10–15 лет (см. [19, с. 280–285]).

На Сумарокова, взявшегося за столь масштабное изучение женской темы, явно давит многовековая христианская традиция, отождествляющая сексуальность и телесность с греховностью. Место «злых жён» заняли в журнале ТП жёны неверные (кокетки) и щеголихи с общими для них новомодными затеями. У первых это адюльтеры, у вторых – модная одежда и «новоманерные слова» (ТП, с. 477). Традиционный взгляд на назначение женщины сказался и в повышенном

внимании писателя к теме девственности в эпиграммах и эклогах. Однако новые либертинские веяния заставляют его самого отнестись к этой домостроевской ценности с долей иронии.

За акцентированием данной темы скрывается навязчивое болезненное состояние, психологическая травма Сумарокова. Неслучайно элегический герой поэта описан М.А. Котоминым как галлюцинирующий «узник своих фантазмов», стоящий «на грани разрушения», «нервного срыва» [9, с. 149]. Его речь, как пишет исследователь, «бесконечное колебание собственных страхов», он сознаёт свое безумие и пытается рассказать о нём [9, с. 156]. Нетерпимость Сумарокова по отношению к некрасивым женщинам (см. октябрьский номер ТП) тоже показатель его душевного беспокойства. Более того, выбранные для перевода идиллии Биона и Мосха повествуют об ужасе, который несёт Эрос. Из «Метаморфоз» Овидия переводятся эпизоды, дискредитирующие половое влечение («Баснь о Пираме и Фисве»), рисующие женщину с низменной стороны («Скилла или безбожное предательство»). Вообще, никто, кажется, не ставил ещё вопроса о сексизме Сумарокова. А надо бы. В целом эпиграмматический модус далёк от конструирования образа «просвещённого любовника», созданием которого была занята новая русская литература [9, с. 133].

В то же время собственная и чужая (женская) сексуальность, ставшая проблемой (см. ноябрьский номер ТП), требовала реабилитации. Эту миссию принял на себя жанр эклоги. В элегиях, песнях и идиллиях любовь, конечно, не бесплотное чувство, но телесно-эротическая составляющая в них ослаблена. Суть же эклоги состоит, по словам исследовавшей этот жанр Т.В. Саськовой, в «воспевании радостей чувственной любви в сочетании с настойчиво, последовательно проведённым мотивом верности, постоянства» [7, с. 44], в «одухотворении земной любви» [7, с. 47]. В центре жанра – «психология соблазнения», изображение страстей, «которые заполняют жизнь юных и прекрасных детей природы» [7, с. 31]. При этом Сумароков не избежал некоторой натуралистичности, вульгарности и даже цинизма в своём воспевании «мощной витальной силы» [7, с. 47], хотя сам он, переиздавая в 1774 г. эклоги под одной обложкой, уверял читателей, что его произведения основаны «на нежности, подпёртой честностью и верностью», и соблазна «принести не могут» (Е, с. 5).

Оба названных модуса являются, по нашему мнению, сублимацией обуревавших Сумарокова страстей, поисками решения им проблемы телесности, а также словесного её выражения. Гипотетически можно допустить, что, столкнувшись в первом своём браке с неожиданными горестями и муками, а затем и «пременами», писатель перенёс свой душевный и жизненный опыт в те отчасти условные ситуации и ещё менее условные переживания, которые диктовались соответствующими жанровыми формами. Однако одних лирических текстов с их принципиальной фрагментарностью на всех формальных и содержательных уровнях оказалось для этого недостаточно, и Сумароков с разной степенью осознанности стремится связать их между собой, обращаясь в том числе к эпическим жанрам и выстраивая в итоге то, что мы назвали любовным метасюжетом.

В журнале есть весьма показательный «разговор» Медика и Стихотворца. Устами первого Сумароков ставит второму, то есть себе, диагноз – «болезнь

неизлечимая» (ТП, с. 305). Главный симптом этой болезни – «великий жар и бред, и всё брежу на виршах» (ТП, с. 301). Диалог этот комичен и не лишён самоиронии, но безусловно и то, что писатель осознавал патологический характер творческого вдохновения, во всяком случае своего. На близкие темы он размышлял также в стихотворении «Недостаток изображения» и элегии «Другим печальный стих рождает стихотворство...».

Всё это требует внести коррективы в культурный миф о том, что русские писатели XVIII в. осознанно или по необходимости оказывались «в роли неких “воспитателей чувств”, которые должны были научить непросвещённых сограждан “науке любви”» [9, с. 135]. Во-первых, так называемый библиофилический миф находит опору в русской мемуарно-эпистолярной литературе не ранее чем с 1760-х годов (см. [20, с. 40–42]). Во-вторых, сочинители должны были сначала воспитать свои собственные чувства, и здесь в роли учителя, более строгого, чем западная литература, выступала русская жизнь. В-третьих, реальное поведение многих русских писателей (не только XVIII в.) заставляет нас считать правдоподобным отрицательный ответ Ж.-Ж. Руссо на вопрос о том, «способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов»⁴.

3. Любовь и методология

Мы подошли к довольно сложной методологической проблеме в изучении культуры и преподавании литературы: как и надо ли вообще говорить о несовпадении идеала и действительности – о противоречиях между декларируемыми писателем этическими установками и реальными его поступками? Вернёмся всё к тому же сексизму в литературе, неважно, в негативной его форме (сатира) или позитивной (идеализация женщины).

Сумароков мог посвятить свои «Еклоги» «прекрасному российского народа женскому полу» (Е, с. 3), порассуждать о «любвонной нежности и верности» (Е, с. 4) и осудить «неблагопристойную любовь и непостоянство» (Е, с. 5). Однако он нигде не пишет, что, будучи в браке с Иоганной Христиановной, вступил в связь со своей крепостной Верой Прохоровной, которой в 1759 г. было 16 лет. И лишь из письма матери Сумарокова, Прасковьи Ивановны, мы знаем о при- скорбных обстоятельствах третьего брака писателя в 1777 г. [18, с. 373].

Не менее показательны и его отношение к первой жене после их разрыва. Приведём выдержку из письма к Сумарокову оставшегося неизвестным лица, которое (письмо) обычно нигде не цитируется: «Но рассудите сами: можно ли почесть такого стихотворца за полезного обществу, который и за то, что сочинил несколько хороших трагедий, ненавидит весь человеческой род? стихотворца, в котором правды и справедливости никогда не бывало; который всю свою жизнь препровёл в бешенстве, беспрестанно других клеветает и старается о повреждении их чести; который бранит тех, кои ему даровали жизнь; который с женою и с детьми своими разлучился единственно для того, чтобы неистовство своё удовлетворить с презренною своею рабою; который и теперь сей несчастной жене не даёт жить спокойно и в чужом доме: проезжая мимо её окошек, кричит во всё горло, бранит её бесчестными словами, посылает к ней в дом своих

⁴ См. его трактат «Рассуждение о науках и искусствах» (1750).

служителей, чтобы её бранили и, написав к ней ругательством наполненное письмо, принуждает своих дочерей, чтоб на оном подписались» [21, с. 614].

В переложениях псалмов Сумароков недвусмысленно и неловко пытается отождествить себя с праведником; в личной переписке образ несправедливо гонимого страдотерпца прорисован им особенно отчётливо. Однако «Записки» С.А. Порошина, близко знавшего Сумарокова, запечатлели облик человека, далёкого от добродетелей терпимости и любви к ближнему. Так, в записи от 12 августа 1765 г. явно как нечто непривычное отмечается: «Александр Петрович смирен был. Поговорил только несколько о безграмотстве и о плутнях подъяхих» [22, стб. 391].

Можно, конечно, продолжать рассуждать о развращённости придворных нравов, о непримиримости Сумарокова к порокам и т. д. Всё это, очевидно, имело место. Однако мы считаем: следует говорить не только о том, что литератор писал, но и о том, что он делал. Не оправдывать, объясняя, почему так случилось, и не осуждать, ужасаясь лицемерию. Просто говорить.

* * *

В 1774 г. Сумароков напишет «Любовную гадательную книжку» и издаст её «на кошт Кабинета Ея Императорскаго Величества» (см. [2]). Этот изящный пустячок для галантного времяпровождения был адресован, в сущности, тем самым петиметрам и кокеткам, на которых писатель с таким пылом напал в 1759 г. Напомним, что о «безделках» и «играньях стихотворных» Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве» (1748) пренебрежительно сказал: «Но пусть их пишет тот, кому они угодны» (Э, с. 149).

Теперь они ему оказались угодны.

Источники

- ТП – Трудолюбивая пчела. – СПб.: При Имп. акад. наук, 1780. – 768 с.
Е – *Сумароков А.П.* Еклоги. – СПб.: При Имп. акад. наук, 1774. – 196 с.
Э – *Сумароков А.П.* Эпистола о стихотворстве // *Русская поэзия XVIII века.* – М.: Directmedia, 2014. – С. 136–152.

Литература

1. *Салова С.А.* Утро русской анакреонтики: А.Д. Кантемир, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков. – М.: МАКС Пресс, 2005. – 264 с.
2. *Абрамзон Т.Е.* «Любовная гадательная книжка» А.П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». – М.: ОГИ, 2013. – 192 с.
3. *Максимович К.Д.* Поэтика идиллий А.П. Сумарокова // *Проблемы изучения русской литературы XVIII века.* Вып. 10. – Самара: НТЦ, 2003. – С. 111–129.
4. *Абрамзон Т.Е.* Александр Сумароков. История страстей. – М.: ОГИ, 2015. – 304 с.
5. *Смолина К.А.* Русская трагедия. XVIII век. Эволюция жанра. – М.: Наследие, 2001. – 208 с.
6. *Стенник Ю.В.* Жанр трагедии в русской литературе: Эпоха классицизма. – Л.: Наука, 1981. – 168 с.

7. *Саськова Т.В.* Пастораль в русской поэзии XVIII века. – М.: Мос. гос. откр. пед. ун-т, 1999. – 166 с.
8. *Гуковский Г.А.* Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. – М.: Яз. рус. культуры, 2001. – 368 с.
9. *Котомин М.А.* Любовная риторика А.П. Сумарокова: «Елегии любовные» и их художественное своеобразие // Александр Петрович Сумароков (1717–1777): Жизнь и творчество: Сб. ст. и материалов / Сост. Е.П. Мстиславская. – М.: Пашков дом, 2002. – С. 133–160.
10. *Петров А.В.* Эпиталама в русской литературе XVIII века: Очерки по исторической поэтике жанра. – Магнитогорск: Магнитогорск. гос. ун-т, 2012. – 218 с.
11. *Киселев В.С.* Статьи по теории и истории метатекста (на материале русской прозы конца XVIII – первой трети XIX века). – Томск: Томск. гос. ун-т, 2004. – 122 с.
12. *Фрик Т.Б.* «Современник» А.С. Пушкина как единый текст. – Томск: Томск. политех. ун-т, 2009. – 192 с.
13. *Вроон Р.* «Оды торжественные» и «Елегии любовные»: история создания, композиция сборников // Сумароков А.П. Оды торжественные. Елегии любовные. Репринт. воспроизв. сб. 1774 г. Приложение: Редакции и варианты. Дополнения. Комментарии. Статьи. – М.: ОГИ, 2009. – С. 387–469.
14. *Мстиславская Е.П., Щеголева Л.И.* Книготворческая деятельность А.П. Сумарокова по созданию сборников «Оды торжественные» и «Елегии любовные» и своеобразие их художественно-графического воплощения // Александр Петрович Сумароков (1717–1777): Жизнь и творчество: Сб. ст. и материалов / Сост. Е.П. Мстиславская. – М.: Пашков дом, 2002. – С. 72–97.
15. *Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В.* Коммуникативная стратегия журнального метатекста «Трудолюбивой Пчелы» А.П. Сумарокова (на примере декабрьского номера) // Язык. Словесность. Культура. – 2011. – № 2. – С. 132–148.
16. *Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В.* Начало и конец Трудолюбивой Пчелы: утопический проект А.П. Сумарокова // XVIII век: Литература в эпоху идилий и бурь. – М.: Экон-информ, 2012. – С. 331–338.
17. *Сложеникина Ю.В., Растягаев А.В.* Январская книжка журнала «Трудолюбивая Пчела»: катарсис истинного Просвещения // Язык. Словесность. Культура. – 2014. – № 3. – С. 135–169.
18. *Берков П.Н.* Несколько справок для биографии А.П. Сумарокова // XVIII век. Сб. 5. – М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. – С. 364–375.
19. *Трахтенберг Л.А.* Русские сатирические журналы XVIII века: вопросы поэтики: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2017. – 515 с.
20. *Приказчикова Е.Е.* Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2010. – 55 с.
21. [Письмо неизвестного к А.П. Сумарокову. 1769 г.] / Публ. и коммент. Н.С. Тихоновой // Русская старина. – 1884. – Т. 41, № 3. – С. 609–618.
22. *Порошин С.А.* Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. – СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1881. – 636 стб.

Поступила в редакцию
04.09.17

Абрамзон Татьяна Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой языкознания и литературоведения

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
пр-т Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Россия
E-mail: ate71@mail.ru

Петров Алексей Владимирович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и литературоведения

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
пр-т Ленина, 38, г. Магнитогорск, 455000, Россия
E-mail: alexpetrov72@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 1, pp. 29–41

**Female Metatext in A.P. Sumarokov's Journal
"Trudolyubivaya Pchela" ("The Industrious Bee")**

*T.E. Abramzon**, *A.V. Petrov***

G.I. Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, 455000 Russia
E-mail: *ate71@mail.ru, **alexpetrov72@mail.ru

Received September 4, 2017

Abstract

The paper is devoted to the interpretation of a composite text entity in A.P. Sumarokov's journal "Trudolyubivaya Pchela" ("The Industrious Bee"), which is symbolically designated on the basis of its themes (love, marriage, fashion) as the female metatext. Its emergence was conditioned by personal reasons: his adultery, parting with wife, strong emotional shock, as well as the need to comprehend a new hard life experience and to get rid of it through sublimation – literary works. The basis of this metatext is the peculiar love meta-plot consisting of 76 works relating to 12 genres (elegy, epigram, eclogue, idyll, song, satire, ode, mythological story, parable, lamentation, heroide, rondeau). The dynamics of their emergence in journal issues, arising intertextual relations, and (meta)plot peripeteias refer us to the romance novel slighted by A.P. Sumarokov as a critic. A.P. Sumarokov and his virtual "self" of the love meta-plot, having got over all love vicissitudes, overcome grievances, cope with pangs of love, and try to understand the "other" – the woman and her experience of love, and this is the final meaning of the metatext. The genre forms and subjects developed by the world literature, as well as the simple common sense, helped A.P. Sumarokov to get over his inner problem without consolidating bitter frustrations and a feeling of deadening emptiness as a spiritual and literary experience. Two main genre-thematic "modi" of the female metatext in "Trudolyubivaya Pchela" – an elegiac and epigrammatic, are defined in the further analyses. The first is to create the image of love as pleasure-suffering, the second finds internal fears and A.P. Sumarokov's complexes, and both turn out to be the sublimation of the passions overwhelmed him, the forms of solution to the problem of «physicality» and its verbal expression. In conclusion, the problem of A.P. Sumarokov's sexism along with the methodological question of the relationship between literary texts and the *modus vivendi* of the writer is introduced.

Keywords: A.P. Sumarokov, "Trudolyubivaya Pchela", metatext, love meta-plot, female theme, problem of physicality, sublimation

References

1. Salova S.A. *Utro russkoi anacreontiki: A.D. Kantemir, M.V. Lomonosov, A.P. Sumarokov* [Rising of Russian Anacreontics: A.D. Kantemir, M.V. Lomonosov, A.P. Sumarokov]. Moscow, MAKSS Press, 2005. 264 p. (In Russian)

2. Abramzon T.E. "Lyubovnaya gadatel'naya knizhka" A.P. Sumarokova v kontekste kul'tury XVIII veka, ili Literaturnaya bezdelka ot "severnogo Rasina" [A.P. Sumarokov's "Love Fortune-Telling Book" in the Context of the 18th-Century Culture, or a Literary Trifle of "the Northern Rasin"]. Moscow, OGI, 2013. 192 p. (In Russian)
3. Maksimovich K.D. Poetics of A.P. Sumarokov's idylls. In: *Problemy izucheniya russkoi literatury XVIII veka* [Problems in Studying of the Russian Literature of the 18th Century]. Samara, NTTs, 2003, no. 10, pp. 111–129. (In Russian)
4. Abramzon T.E. *Aleksandr Sumarokov: Istoriya strastei* [Aleksandr Sumarokov: Story of Passions]. Moscow, OGI, 2015. 304 p. (In Russian)
5. Smolina K.A. *Russkaya tragediya. XVIII vek. Evolyutsiya zhanra* [Russian Tragedy. 18th Century. Genre Evolution]. Moscow, Nasledie, 2001. 208 p. (In Russian)
6. Stennik Yu.V. *Zhanr tragedii v russkoi literature: Epokha klassitsizma*. [Genre of Tragedy in Russian Literature: Classicism Period]. Leningrad, Nauka, 1981. 168 p. (In Russian)
7. Sas'kova T.V. *Pastoral' v russkoi poezii XVIII veka* [Pastoral in the Russian Poetry of the 18th Century]. Moscow, Mosk. Gos. Otkr. Pedagog. Univ., 1999. 166 p. (In Russian)
8. Gukovskii G.A. *Rannie raboty po istorii russkoi poezii XVIII veka* [Early Works on the History of Russian Poetry in the 18th Century]. Moscow, Yaz. Russ. Kul't., 2001. 368 p. (In Russian)
9. Kotomin M.A. A.P. Sumarokov's love rhetoric: "Love Elegies" and their artistic peculiarity. In: *Aleksandr Petrovich Sumarokov (1717–1777): Zhizn' i tvorchestvo* [Aleksandr Petrovich Sumarokov (1717–1777): Life and Creative Work]. Moscow, Pashkov Dom, 2002, pp. 133–160. (In Russian)
10. Petrov A.V. *Epitalama v russkoi literature XVIII veka: Ocherki po istoricheskoi poetike zhanra* [Epithalamium in the Russian Literature of the 18th Century: Essays on the Historical Poetics of the Genre]. Magnitogorsk, Magnitogorsk. Gos. Univ., 2012. 218 p. (In Russian)
11. Kiselev V.S. *Stat'i po teorii i istorii metateksta (na materiale russkoi prozy kontsa XVIII – pervoi treti XIX veka)* [Articles on the Theory and History of Metatext (Based on the Materials of the Russian Prose of the Late 18th Century – the Early Third of the 19th Century)]. Tomsk, Tomsk. Gos. Univ., 2004. 122 p. (In Russian)
12. Frik T.B. "Sovremennik" A.S. Pushkina kak edinyi tekst [A.S. Pushkin's "Sovremennik" as a Single Text]. Tomsk, Tomsk. Politekh. Univ., 2009. 192 p. (In Russian)
13. Vroon R. "Solemn Odes" and «Love Elegies»: History of creation, composition of collections. In: *Sumarokov A.P. Ody torzhestvennyya. Elegii lyubovnyya. Reprint. vosproizv. sb. 1774 g. Prilozhenie: Redaktsii i varianty. Dopolneniya. Kommentarii. Stat'i* [Sumarokov A.P. Solemn Odes. Love Elegies. Reprint of Editions of 1774. Annex: Draftings and Variants. Additions. Comments. Articles]. Moscow, OGI, 2009, pp. 387–469. (In Russian)
14. Mstislavskaya E.P., Shchegoleva L.I. A.P. Sumarokov's book-writing activity in creating the collections "Solemn Odes" and "Love Elegies" and the peculiarities of their artistic and graphical visualization. In: *Aleksandr Petrovich Sumarokov (1717–1777): Zhizn' i tvorchestvo* [Aleksandr Petrovich Sumarokov (1717–1777): Life and Creative Work]. Moscow, Pashkov Dom, 2002, pp. 72–97. (In Russian)
15. Slozhenikina Yu.V., Rastyagaev A.V. Communicative strategy of the metatext in A.P. Sumarokov's journal "Trudolyubivaya Pchela" (December issue). *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture], 2011, no. 2, pp. 132–148. (In Russian)
16. Slozhenikina Yu.V., Rastyagaev A.V. The beginning and end of the "Trudolyubivaya Pchela": A.P. Sumarokov's utopian project. In: *XVIII vek: Literatura v epokhu idyllii i bur'* [The 18th Century: Literature in the Epoch of Idylls and Tempests]. Moscow, Ekon-Inform, 2012, pp. 331–338. (In Russian)
17. Slozhenikina Yu.V., Rastyagaev A.V. The January issue of the journal "Trudolyubivaya Pchela": Catharsis of genuine enlightenment. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*, 2014, no. 3, pp. 135–169. (In Russian)
18. Berkov P.N. Some information for A.P. Sumarokov's biography. In: *XVIII vek* [The 18th Century]. Vol. 5. Moscow, Leningrad, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1962, pp. 364–375. (In Russian)
19. Trakhtenberg L.A. Russian satirical journals of the 18th century: Problems of poetics. *Doct. Philol. Sci. Diss.* Moscow, 2017. 515 p. (In Russian)

20. Prikazchikova E.E. Cultural myths and utopias in the memorial epistolary literature of the Russian enlightenment. *Extended Abstract of Doct. Philol. Sci.* Yekaterinburg, 2010. 55 p. (In Russian)
21. [The letter to A.P. Sumarokov from an unknown person. 1769]. *Russkaja Starina*, 1884, vol. 41, no. 3, pp. 609–618. (In Russian)
22. Poroshin S.A. *Zapiski, sluzhashchie k istorii ego imperatorskogo vysochestva blagovernogo sudarya tsesarevicha i velikogo knyazya Pavla Petrovicha* [Notes on the History of His Imperial Highness the Blessed Orthodox Monarch Cesarevitch and the Grand Prince Pavel Petrovich]. St. Petersburg, Tip. V.S. Balasheva, 1881. 634 col. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Абрамзон Т.Е., Петров А.В. Женский метатекст в журнале А.П. Сумарокова «Трудолюбивая пчела» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 1. – С. 29–41. ⟩

⟨ **For citation:** Abramzon T.E., Petrov A.V. Female metatext in A.P. Sumarokov's journal "Trudolyubivaya Pchela" ("The Industrious Bee"). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 1, pp. 29–41. (In Russian) ⟩